ШКОЛА
под микроскопом

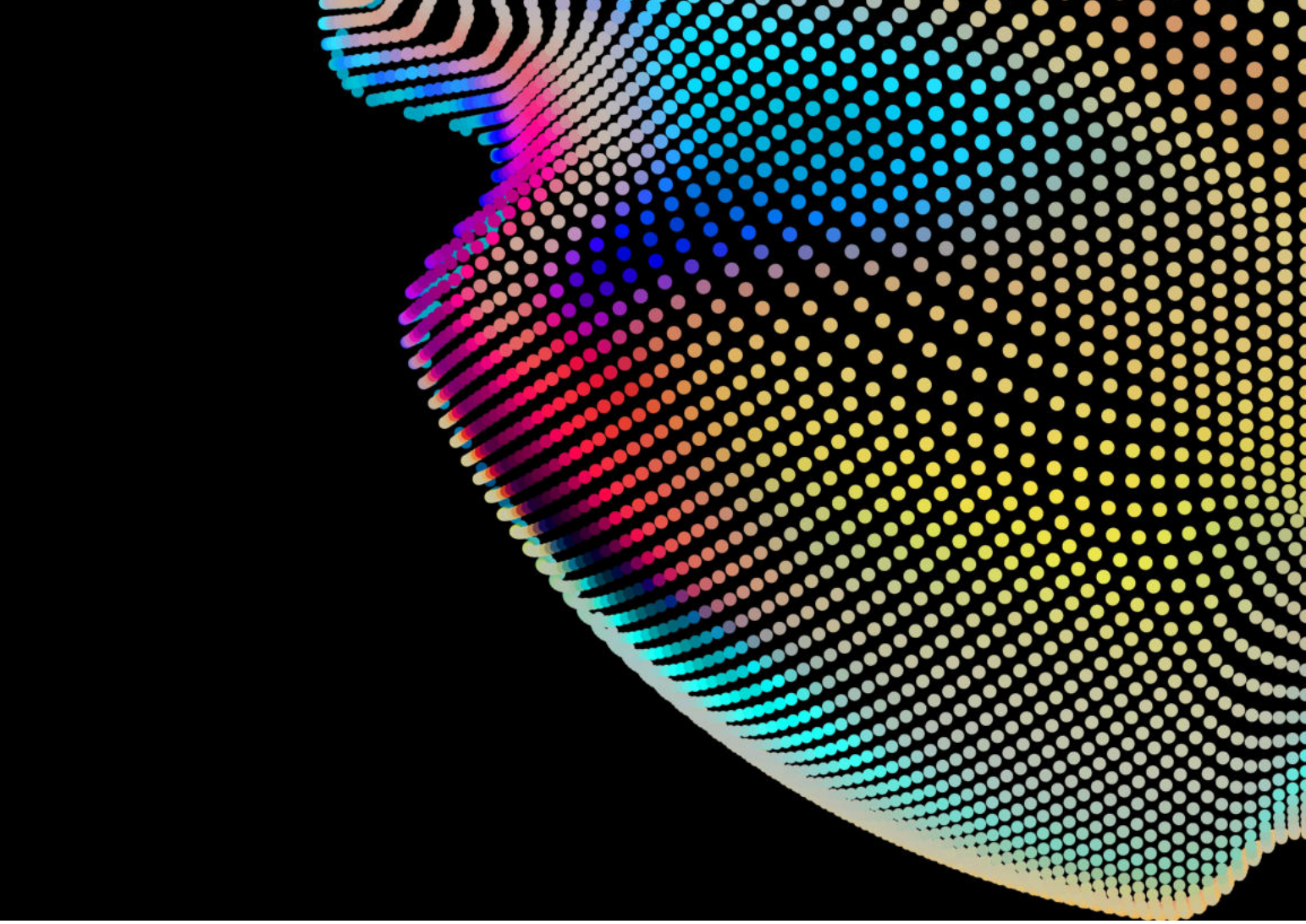
ПРАВОСЛАВНАЯ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ШКОЛА СЕМЬИ ШОСТАКОВИЧЕЙ
Основана в 1998 году

Над номером работали:
В. Балутина
Е. Витова
В. Глебова
Е. Зюзькова
Е. Крутей
У. Малькова
Е. Салмина
К. Трифонова
Эоранский художник

5 класс
С. В. Докторова
Э. П. Морозова
Е. П. Касьянова
Обложка:
Л. Ожегов

№ 32
2022

Газета общеобразовательной православной школы семьи Шостаковичей
school-shostakovich.ru school@school-shostakovich.com



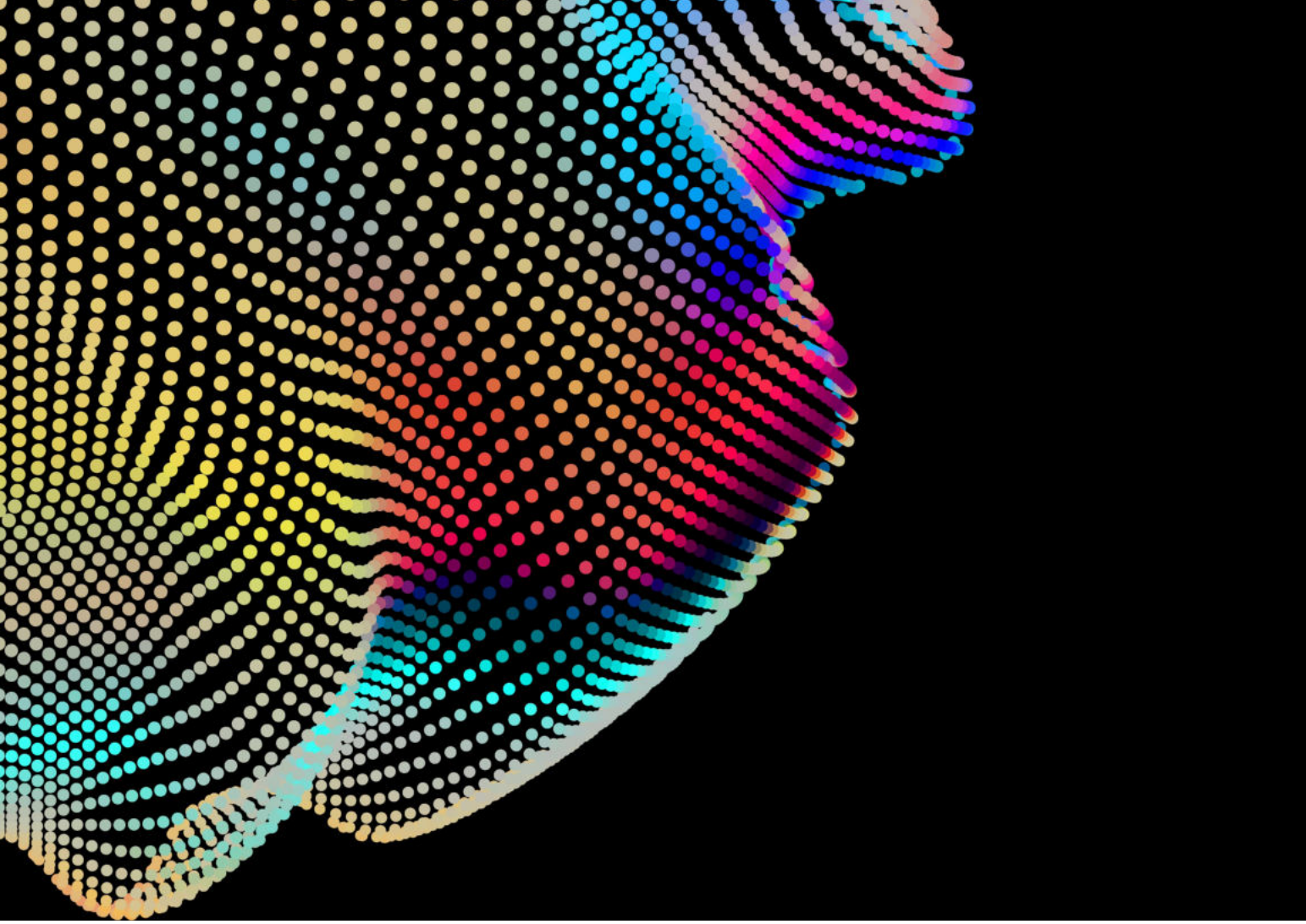
Модернизм — язык эпохи потрясений и катаклизмов

«Но что страннее, что непонятнее всего, — это то, как авторы могут брать подобные сюжеты. Признаюсь, это уж совсем непостижимо, это точно… нет, нет, совсем не понимаю. Во-первых, пользы отечеству решительно никакой; во-вторых… но и во-вторых тоже нет пользы. Просто я не знаю, что это…»

Эпиграф из повести Н. В. Гоголя «Нос», утверждающий право авторскую свободу, представляется особенно удачным для нынешнего номера, который посвящен модернизму в целом и русскому Серебряному веку в частности. Мы обращаемся к этой культурной эпохе, потому что в 10-11 классах, следуя логике школьной программы, знакомимся с модернизмом, а также потому что в последнее время модернизм стал гораздо более понятен и актуален.

В самом широком смысле модернизм — это общее название разных течений в искусстве и литературе конца XIX — начала XX в.

Как с ним встретились наши учителя?



Мария Олеговна:

— До сих пор есть любимая книга того периода, которая у меня лежит — «Мелочи жизни», сборник Зощенко, Тэффи, Саши Черного и проч.

Тут важна предыстория. У нас в семье существовало и до сих пор существует такое правило: если по какой-то причине ты читаешь книгу, которая тебе дана на время, то имеешь право ничего не делать по дому. Это был закон. Если книгу дали на выходные, ты имеешь право читать и ничего не делать.

Главное, чтобы не читали одновременно все трое. Иначе Дашенька, моя младшая сестра, осталась бы без присмотра, а на плите бы все сгорело.

Так вот, маме достался Дорошевич. Она хохотала над ним просто до слез и зачитывала папе какие-то куски оттуда. И я поняла, что мне тоже нужно срочно это прочитать. Маме нужно было отдавать книгу в понедельник. И мы с папой пахали на кухне, а мама хохотала. Она зачитывала отдельные фрагменты, половину я не понимала, и она сказала для начала прочитать «Мелочи жизни», сборник. Вот это с ходу, первая яркая картинка.

Почему-то не зашла поэзия вообще. У нас вообще как-то дома, несмотря на громадную библиотеку и огромную библиотеку поэзии, поэзия была только в двух вариантах — Пушкин и Лермонтов. У мамы — Пушкин, у папы — Лермонтов. Все остальное не воспринималось в принципе, несмотря на то, что было, конечно, в доме.

Впрочем, в 9-10 классах мы открыли, что с учителем литературы можно, оказывается, разговаривать. Она очень часто устраивала поэтические чтения, и я забила двух парней с их Есениным и гитарами — Маяковским. С трудом выучила стихотворение и сдала его, как полагалось.

Вообще Маяковский открылся для меня с «Необычайного происшествия...», и я до сих пор могу его рассказать практически дословно. А дальше мне больше всего у него нравилось «Облако в штанах».

Анастасия Дмитриевна:

– Модернизм у меня ассоциируется больше всего с бельэтажем Эрмитажа, где модернисты до недавнего времени пребывали: голубые стены, низкие белые потолки. Я впервые увидела их в детстве, и тогда это казалось невероятно стильным. Есть весь остальной Эрмитаж – и модернисты где-то там под крышей, и туда все ходят и с благоговением все рассматривают. Это было лет в тринадцать-четырнадцать.

А с модернизмом в литературе я встретилась в 10-11 классах. Очень впечатлил Маяковский и кубизм. Помню, как учила наизусть «Послушайте!» и «Необычайное приключение...», и мне очень нравилось.

Лариса Владимировна:

– Я не помню, чтобы в старших классах модернизм произвел на меня впечатление. Это было непонятно, странно, и после соцреализма и классики очень меня смущало. Уже потом это обросло романтическим флером, а в школе все эти эксперименты не были понятны. Я вообще была очень консервативна, все у меня было прямо, перпендикулярно и параллельно. Сейчас я более открыта ко всему, но все равно не перечитываю поэзию того периода, это бунтарство наводит депрессивные мысли. Кроме того, я не перечитывала русскую литературу, поскольку увлеклась зарубежной: Б. Шоу, Моэм и др.

Екатерина Николаевна:

– Я познакомилась с Серебряным веком в четырнадцать лет, в восьмом-девятом классах. Сначала прочитала, конечно же, Цветаеву, классический жанр – подоконник, плед. После этого я читала Ахматову, и до сих считаю, что она гораздо скучнее.

И, конечно, лет с тринадцати и до восемнадцати все мои стихотворения были в духе Цветаевой.

И хотя я Серебряный век очень люблю и читала очень много поэзии, я всегда читала ее с некоторой долей осуждения: Блок, да что ж ты такой скучный? Ахматова, да что ж ты такая флегматичная? Даже лирическая героиня Цветаевой стала в какой-то момент восприниматься как избыточно драматичная.

При этом Серебряный век воспринимался очень лично. На Пушкина и Лермонтова я так не реагировала, это уже история, символы и образы, и их стихотворения – это тексты для изучения.

А вот поэзия Серебряного века воспринималась не как текст для изучения, но как живое послание, на которое хотелось отреагировать. Реакция, конечно же, была подростковая: «Вы ничего не понимаете в любви, а я все понимаю в пятнадцать лет, поэтому мои стихотворения явно лучше, чем у Цветаевой».

В какой-то момент у меня было искреннее восхищение Пастернаком, потому что он написал стихотворение о Гамлете в «Докторе Живаго», а Гамлет для меня был главным увлечением в четырнадцать, я его изучила вдоль и поперек.

Есенина я не перевариваю до сих пор, единственное, что мне нравилось – это «Шаганэ ты моя, Шаганэ....»

Маяковский мне тоже совершенно не нравился, потому что революция – это же так неинтересно. Потом, когда меня поставили перед выбором Маяковский или Есенин, с зубовным скрежетом был выбран Маяковский.

Позже мне стало нравиться находить у Маяковского такие лиричные, нежные, мягкие моменты, при этом не «Лиличку» всем известную, а менее очевидные примеры того, как на фоне это громкости и жесткости находятся такие тихие моменты, у Маяковского особенно ценные.

Потом было возвращение к Серебряному веку в университете, когда я закончила бакалавриат и пошла в магистратуру на

классическую филологию — и чуть ли не повесила себе на стену портрет Мандельштама — того, кто знает, что такое всю ночь учить аорист. И с тех пор у меня особенно трепетное отношение к Мандельштаму как к человеку, который знает, что такое древнегреческий. Это просто отдельная каста людей, мне кажется, мы друг друга даже сквозь века узнаем.

Еще был очень личный отклик на Тэффи: у нее есть совершенно прекрасный рассказ про переводчицу, и вот когда учишься на филфаке и переводишь, неизбежно себя узнаешь. В рассказе речь идет о том, как она переводит с кучей словарей, и получается полный бред, но зато есть деньги — это ровно мой третий курс. Правда, вместо словарей у тебя google translate, но все равно удивительно, насколько то, о чем они писали, актуально.

Серебряный век удивительно близок, нет дистанции. То, что было написано позже, тоже далеко не всегда воспринималось как обращенный непосредственно ко мне текст. А в начале XX века веке была та концентрация эмоции, на которую невозможно не отреагировать.

Для того, чтобы эмоционально совпасть с Пушкиным или Лермонтовым, нужно приложить усилие, а здесь усилие прикладывать не надо, меньше преград, меньше фильтров.

И в прозе, и в поэзии — ни идейного, ни временного. На это работает и удачный выбор формы.

Казалось бы, такое довлеющее время, такие исторические события — и так много стихотворений, это могло бы казаться нелогичным, но эмоционально это очень логично.

Наталья Александровна:

— Я познакомилась с модернистской литературой в школе, это были Брюсов, Гиппиус. И для меня стало открытием, потрясением то, что язык Пушкина в XX веке не звучит, что люди по-другому любят, страдают, проживают человеческие судьбы, истории.

И это было очень созвучно тому, что я, тогда, семи-восьмиклассница, проживала сама. Мне это показалось более понятным, более родным по сравнению с высоким слогом Вяземского, Пушкина, Тютчева.

Позже я увидела модернизм не только в русской, но и в зарубежной литературе. Увидела то, что представители этого направления в искусстве были поистине революционерами. Они позволили себе то, что не позволяла себе ни одна поэтическая школа до того.

Чем они расположили к себе? Тем, что дали читателю совершенно уникальную и доселе недоступную роль: они сделали читателя соавтором. Например, сюрреалисты французские стали писать без знаков препинания. Что такое знаки препинания? Это эмоции, разлитые в тексте. И оставив текст нагим, без заведомо навязанной эмоциональной тональности, они предлагают каждому читателю по-своему прочесть, прожить стихотворение.

Это приглашение к сотворчеству — наверное, самое главное достижение, открытие, переворот, который совершили модернисты в литературе. В живописи, музыке, архитектуре эти преобразования переломили существующую классическую традицию.

Оказывается, так можно! И в этой какофонии звука, цвета, формы мы видим себя, современного человека: мятущегося, неуверенного в себе, в том, что вчера называлось правдой, а сегодня ложью.

Эта деформация классического, прекрасного оказалось очень созвучна тому времени, в которое эти произведения создавались, поэтому модернистское искусство, несмотря на то, что с момента его возникновения до нас с свами прошло очень много времени, почти сто лет, не утрачивает совей актуальности: каждое поколение переживает свои революции, свои трансформации, и это чувствование себя сохранилось до сегодняшнего дня.

Что это было за время?

Дмитрий Владимирович:

Что вообще происходило в конце XIX – начале XX века в мире с точки зрения географической?
Первое, что вспоминается, это перепись. В 1897 году была проведена первая в России перепись населения, которая дала множество материалов к размышлению. Исследования всей Средней Азии, Пржевальский, Тян-Шанский и иже с ними, присоединение всей этой территории, а еще исследования севера, всякие ребята, которые отправлялись в Арктику.

Почему они так активно поехали во все стороны? Это технические возможности появились — или есть какие-то другие причины?
Исследования Средней Азии связаны с противостоянием с Британской империей, попытками получить контроль над Афганистаном и, таким образом, досаждать Индии, а север — это еще одно направление, которое было недостаточно исследовано, и в России тогда было много ребят, которые хотели прославиться, стать путешественниками, это было достаточно модно.

То есть Гумилев в тренде?
Сто процентов. Гумилев — это иллюстрация того, о чем мечтали мальчишки конца XIX века: стать путешественниками, героями. Но Гумилев-то в Эфиопию ездил, в Абиссинию, потому что Африка – это место, где дикие народы, где можно изучить цивилизации. Впрочем, Эфиопия была достаточно развитой страной в то время, на 400 лет раньше Древней Руси приняла православие.

Помимо Средней Азии и севера было еще важное направление Китай, Тянь-Шань, Тибет. Всякие эзотерики вроде Рериха и Блаватской поехали на Тибет. Они же там вообще вдесятером путешествовали, устраивали экспедиции на тысячи километров, попутно отстреливаясь от всего, что им попадалось на пути, прямо какой-то последний осколок романтического путешествия-открытия. Только потом романтика сменится необходимостью поиска полезных ископаемых.

Вот так одновременно работает политика и эзотерика.

Тогда краудфандинг был очень в моде, они набирали деньги на путешествия, как Нансен, который строил свой корабль самостоятельно.

Яркий пример путешественника той эпохи — Григорий Козлов, у него очень интересная судьба.

Козлов, соратник Пржевальского, открыл заброшенный город в Монголии, тайный город со склепами. Теперь есть его музей-квартира напротив Смольного, там же находится музей буддизма, поскольку ему помогали всякие ребята, которые учились здесь, но были буддистами. В итоге его не расстреляли, т.к. другом их семьи был секретарь Ленина.

Большая часть объема ЕГЭ по литературе — модернистские тексты. Понятно, почему так происходит. Это богатый, сложный и разнообразный материал. Почему же случился этот культурный взрыв? Эйнштейн опубликовал теорию относительности, Гейзенберг добавил неопределенности, Дарвин и Ницше тоже постарались — и от милого, уютного, традиционного и устойчивого мира XIX века ничего не осталось. Все это усугубилось fin de siécle, и модернисты, уловившие дух времени, описали крах и распад старого мира. Так смотрит на модернизм литературоведение. Как описывает причины и сущность модернизма историческая наука?

Ирина Ивановна:

— Да, до этого все было просто, алгоритизированно, а тут все поломалось, стало сложно и неорганизаванно: здесь работает, здесь не работает, здесь вообще рыбу заворачиваем.

До индустриальной революции представления о мире были простыми и алгоритмичными. Нужно было вписаться в модель мира. А сейчас единой модели мира нет.

Это дает невероятное количественное и качественное разнообразие поэтов и писателей.

Во второй половине XIX века реализм сдает позиции. Сначала появились французы со своим импрессионизмом и постимпрессионизмом, затем подхватили флаг литераторы с символизмом, акмеизмом, футуризмом и проч., появился модерн, а затем и модернизм в архитектуре (которые все время путают). Те же процессы идут в музыке.

Почему все поломалось? Потому что пришла новая эпоха, которая требовала нового мироощущения. Произошла смена парадигмы развития. Это стало возможным благодаря индустриальной революции.

Классическая, аграрная, традиционалистская парадигма развития зашла в тупик. Общество эпохи модернизма строится уже не на аграрном, но на индустриальном фундаменте. Господство предпринимательства, господство «я», господство машин, ускорение жизни, появление возможности более комфортной жизни впервые создают такую ситуацию, в которой впервые собственные амбиции человека выходят за рамки общества. Раньше была жесткая структура: сословия, касты, классы. Откуда вышел, тем и будешь. Сын кузнеца будет кузнецом. Ты рождаешься — и уже запрограммирован на то, что ты будешь делать, как будешь мыслить. Если не будешь жить так, как принято в твоем сословии, то ты изгой, тебя выгонят.

Традиционализм, конечно, силен своим консерватизмом: он воспроизводит все время одну и ту же, но все же более-менее работающую модель общества. В ней экономике отводится вторая роль, человек делает соразмерно своим усилиям: то, что я сам сделал руками, то и получил. Это определяет достаточно размеренный ритм жизни. Когда мы подходим к концу XIX века, эта модель начинает рушиться, поскольку приходят машины. Появляется, с одной стороны, свободное время, с другой стороны, огромная вовлеченность в экономические процессы. Интенсивность труда увеличивается: в доиндустриальном обществе можно было в течение дня покурить трубку, раскачаться и сделать горшок, а теперь нужно 12 часов быть помещенным в это рабочее пространство. Человек в меньшей степени себе принадлежит.

Далее, после работы, у тебя есть небольшой промежуток времени, в который можно что-то еще успеть, поскольку появляются деньги. Деньги дают возможность заниматься чем-то альтернативным, приятным, позволяют путешествовать, кругозор человека начинает расширяться.

Кроме того, если машины заменяют нас, то у нас должен развиваться интеллект, необходимый для работы с этими машинами. Одно дело — крестьянину двенадцать часов ковыряться в носу, и совсем другое — шесть часов думать человеку, у которого есть образование для того, чтобы вникнуть в этот усложняющийся экономический процесс. Интеллект становится не уделом элиты, но приложением сил достаточно большого круга лиц.

А раз у тебя появляется интеллект, ты не будешь 24 часа думать о работе. Хочется подумать о чем- то своем, но более рафинированном, более экзальтированном, поэтому появляются разнообразнейшие новые произведения искусства. Читатель обнаруживает, что он — уникальная личность. Темы — вечные, любовь, смерть, но идея меняется принципиально. Если раньше читатель и герой литературы — существо сугубо социальное, то теперь есть и индивидуальные запросы.

И писатели, и читатели воспринимают себя все более особенными, уникальными и необычными. Я хочу отличиться и показать себя через особеннную форму. Раньше хотелось утвердить свое «я» — пошел пахать поле, а теперь можно и картину написать, и стихотворение.

Круг лиц, которые готовы что-то читать и обсуждать, значительно расширяется. Накапливается и продолжает расширяться культурная прослойка.

Но у всего есть своя цена. Раньше мир был целостным, а теперь, поскольку жестких стандартов и ориентиров нет, он начинает распадаться. Хочешь, здесь самореализуйся, хочешь — здесь. Целостность мира как залог комфорта пропадает. И чувство тревоги растет. Бунтарям это все очень нравится, а вот тихоням приходится тяжко.

Варвара Балутина

Первое впечатление о модернизме

Эпоха модернизма — темная, ночная эпоха.

Я услышала интересное мнение о том, что творить в то время было буквально самоубийством. Аномальный рост числа писателей и художников сопровождался таким же огромным количеством смертей, из которых самоубийств было гораздо больше, чем естественных. Тем не менее, я бы не позавидовала и вторым. То, сколько смерти вокруг, угнетает. Некоторые умерли сумасшедшими, а тех, кто сохранил рассудок, что-то мучило всю оставшуюся жизнь (учитывая также и физические заболевания).

Ахматова прожила долгую жизнь, но, кажется, что не то чтобы она была счастливой. Бунин успел выехать из страны, но революция была для него таким потрясением, что он в дальнейшем стал просто игнорировать современность.

Условий для творчества тоже не было и до, и после революции, но модернисты творили не вопреки, а скорее благодаря этому отсутствию ресурсов, среды.

Все традиции и устои если еще не были разрушены, то стремительно разрушались, а на их месте еще не успело появиться чего-то устойчивого. Отсюда — много абсурдных теорий вроде свободной любви и других, абсолютно противоречащих всякой человеческой природе, так и не прижившихся до конца в России.

Все общество было в состоянии шока, может, это и породило так много творцов. Я хочу называть их так, наверное, потому, что они полностью отдавали себя искусству, их жизнь была связана с ним неразрывно, что не так часто встречалось ранее.

Многое в жизнях художников Серебряного века было доведено до предела. Любить до беспамятства, творить до безумия, говорить так честно, чтобы все морщились и ужасались. Из-за такой отдачи люди быстро угасали. Но как много всего осталось от той эпохи у нас до сих пор!

Я восхищаюсь тем, как много в модернизме течений, и не смогу сказать, какое из них — мое любимое. В каждом есть что-то, что я ценю и уважаю, или чему поражаюсь. Кроме того, было так много авторов, что, чтобы хотя бы примерно понять их всех, надо посвятить этому внушительную часть жизни, ведь в школьную программу входят только лидеры каждого из течений.

Может ли быть еще один сравнимый с этим период в русской литературе? А если да, то обязательно ли, чтобы вокруг при этом обязательно происходило что-то страшное?

Не хочу полагаться во всем на судьбу и звучать безвольно, но модернизм для меня выглядит, как божий промысел.

Елизавета Зюзькова,
Елизавета Крутей,
Лев Ожегов

Символизм, акмеизм, футуризм

Мы бы хотели вам немного поподробнее рассказать об основных направлениях в литературе Серебряного века — символизме, акмеизме и футуризме.

Символизм — это художественное течение в литературе, живописи и других видах искусства. Слово «символизм» происходит от греческого symbolon, что переводится как «знак, символ».

Этот термин впервые употребил французский поэт Жан Мореас в одноименном манифесте «Le Symbolisme», в котором сформулировал основные принципы нового направления и определил значение главных понятий символизма — образа и идеи: «Все феномены нашей жизни значимы для искусства символов не сами по себе, а лишь как неосязаемые отражения первоидей, указующие на свое тайное сродство с ними». Для произведений символизма характерно формирование более глубокого и вдумчивого взгляда на привычные слова и предметы, а также приемы недосказанности и загадочности.

Наивысшей точки своего развития символизм достиг в конце XIX — начале XX века во Франции, Бельгии, Германии, Норвегии, Америке, России. Произведения авторов-символистов предлагали более глубокий и вдумчивый взгляд на привычные слова и предметы. Почти каждое слово в их текстах хранило множество образов, которые читатель должен был увидеть и разгадать самостоятельно. Главными особенностями символизма являются идея о двух мирах (реальном и потустороннем) и воплощение в текстах тайных смыслов при помощи разнообразных символов.

Символисты Серебряного века: Дмитрий Мережковский, Зинаида Гиппиус, Александр Блок, Константин Бальмонт, Валерий Брюсов.

Основные черты руского символизма:

- идея о двух мирах (реальном и потустороннем),
- отражение действительности в символах,
- особый взгляд на интуицию как посредника в постижении и изображении мира,
- мистическое постижение мира,
- поэтика многоплановости содержания (иносказание, намеки),

• религиозные искания («свободное религиозное чувство»),
• отрицание реализма.

Футуризм — это модернистское литературное течение начала XX века. Автор термина — итальянский поэт Филиппо Томмазо Маринетти. В 1909 году он опубликовал «Первый манифест футуризма», где провозгласил, что на смену старому искусству пришло новое, и оно должно спасти мир. Течение Маринетти назвал футуризмом — от латинского слова futurum — «будущее».

Главный принципом футуризма стал лозунг Маринетти «Слова на свободе!». Футуристы считали, что поэзию нельзя подчинять разуму, а, напротив, нужно дать слову самому управлять стихотворением.

Футуризм в России не был однороден. Он был представлен четырьмя группами: петербургские эгофутуристы (объединялись вокруг издательства «Петербургский глашатай» — И. Северянин, И. Игнатьев, К. Олимпов), московские эгофутуристы (по названию издательства «Мезонин искусства») – В. Шершеневич, Р. Ивнев, Б. Лавренев), московская группа «Центрифуга» (Б. Пастернак, Н. Асеев, С. Бобров), наиболее известная, влиятельная и плодотворная группа «Гилея» — кубофутуристы (А. Крученых, Д. и Н. Бурлюки, В. Хлебников, В. Маяковский, В. Каменский).

Характерные черты русского футуризма:

• обращенность к будущему,
• чувство грядущего переворота жизни,
• приветствие краха старой жизни,
• отрицание старой культуры и провозглашение новой,
• отрицание преемственности литературного потока,
• прославление нового человечества,
• урбанистические темы и приемы поэзии,
• антиэстетизм,
• эпатаж буржуазного мира в поэзии и в жизни,
• изобретение новых форм,
• интерес к живописи,
• введение новой графики и звукописи,
• речетворчество, создание «зауми».

Акмеизм — это литературное течение, которое возникло в начале XX века в России в противовес символизму. Термин «акмеизм» же произошел от греческого слова ακμή — «высшая степень, вершина, цветение, цветущая пора». Акмеисты провозглашали материальность, предметность тематики и образов, точность слова, в то время как символисты прибегали в текстах к недосказанности и загадочности.

Поэт Николай Гумилев считал, что «символизм закончил свой круг развития и теперь падает», и осенью 1911 года вместе с Сергеем Городецким основал «Цех поэтов» — содружество стихотворцев-единомышленников. Участниками объединения были Анна Ахматова, Осип Мандельштам, Владимир Нарбут, Михаил Зенкевич. Они собирались на квартире у одного из членов «Цеха», сидели в кругу, читали друг другу свои новые стихи и подробно их обсуждали.

Черты акмеизма как литературного направления:

• декларация разрыва с символизмом
• преемственность с предшественниками
• отказ от символа как единственного способа поэтического воздействия
• «самоценность каждого явления» в творчестве
• отрицание мистического
• краеугольный камень акмеизма – имена Шекспира. Рабле, Ф.Вийона, Т.Готье, а также поэзию И.Анненского
• соединение в творчестве внутреннего мира человека с «мудрой физиологичностью»
• «одежда безупречных форм» (Н.Гумилев).

В отличие от символистов поэты-акмеисты в России не мыслили циклами, мифами, всевозможными сцеплениями. Они стремились к освобождению поэзии от общих мест, дезинтеграции поэзии.

Общим для них было и освобождение от избыточной исповедальности.

Формула акмеизма по Гумилеву:

Созданье тем прекрасней,
Чем взятый материал
Бесстрастней —
Стих, мрамор иль металл.

Или у Мандельштама:

Звук осторожный и глухой
Плода, сорвавшегося с древа,
Среди немолчного напева
Печальной тишины лесной.

Екатерина Салмина

Имажинизм

Все вы знаете такие литературные течения модернизма, как символизм, акмеизм и футуризм. Но мало кто слышал об имажинизме.

Я сама только недавно узнала о нем, когда готовилась к ЕГЭ по литературе. Сейчас постараюсь объяснить, что это вообще такое.

Само литературное направление появилось в России в 1918 году, почти сразу после Октябрьской революции. Термин «имажинизм» был позаимствован из статьи З. Венгерова, опубликованной в 1915 году. Эта статья была о лондонских поэтах-имажистах.

Самый известный поэт-имажинист – Сергей Есенин. Также можно вспомнить Анатолия Мариенгофа, Вадима Шершеневича и др.

30 января 1919 года в газетах «Сирена» и «Советская страна» была напечатана «Декаларация Имажинистов». Поэты утверждали, что выявление жизни с помощью образа и его ритмики является единственным законом всяческого искусства, его несравненным методом. В данном документе была представлена творческая программа приверженцев имажинизма. Утверждалось, что в структуре художественного произведения ключевое значение имеет образ.

Название «имажинизм» произошло от латинского слова «имаго», что означает образ. Из этого перевода можно понять, что основная задача данного направления – образотворчество. Главным отличием от всех других направлений модернизма является особая метафоричность.

Писатели стараются избегать поэтических штампов, для них важна глубина и чувственность образа. А каждый образ трактуется с нескольких разных сторон. Часто поэты не следуют форме и рифме и пишут верлибры.

У имажинистов, которые любили устраивать поэтические вечера, даже было свое кафе «Стойло Пегаса», которое находилось на Тверской улице.

К сожалению, данное направление просуществовало недолго, так как в группе имажинистов состояли очень разные по форме и содержанию поэты, их взгляды очень сильно отличались друг от друга, что привело к разногласиям.

В 1921 году Есенин заявил, что его товарищи «кривляются ради самого кривляния», а в 1924 году он же объявил распад группы имажинистов.

После его ухода закрылись их газеты, кафе, и имажинизму пришел КОНЕЦ!!!!

От теории — к практике

Постоянные авторы газеты написали несколько текстов в стиле основных направлений Серебряного века. Определите, где какое направление — и кто автор стилизации?

***

и прорываясь через дебри духа своего

таща груз в непроглядной плотной тьме

вырываясь вновь и вновь из деструктивно тянущей вдаль свободы

хватает крепко, мерзко, тащит вниз

и вновь запутан я

запутан в неоднозначности сих смыслов, давящих нескончаемо, как пресс

вырываюсь, попадая в нескончаемую петлю суждений, размышлений и вопросов

идеала нет, давно убит

убит кроваво и бесстрастно

не успев родиться даже в голове

Лучше всегда жить в моменте
Не вспоминая ни о чем что произошло
Лучше сидеть в инсте, прилипая к ленте
И вдруг, внезапно, все горе прошло

Я готова всю душу отдать
Чтоб летняя жара была ещё теплее
Я готова каждый вздох запоминать
Как поцелуй неосознанный греет

Тепло всего мира застыло в пространстве
Холод из окна не смеет идти
Отовсюду идут обвинения в хамстве
Отпускаю тебя, сердце, давай, лети

Мир/Шар

Под черепом корова

Тихо сопела,

На ладонях росла борода,

Орехи морские быстро созрели,

При этом потеряв голоса.

Три брата на реку вместе смотрели,

Вспоминая земли Отца.

Орали, пыхтели, мычали, сопели,

Не слышав

Свои голоса.

Мой мир изувечен погибелью братьев,

Прощайте, мои голоса,

Уходите, болота, падайте, реки,

Улетайте, чужие глаза.

***

Сердись, гроза моя, сердись сильнее!

Я выдержу, слезы не пророню.

Каждым грома раскатом делаешь больнее,

Но, видишь, на ногах как-то стою.

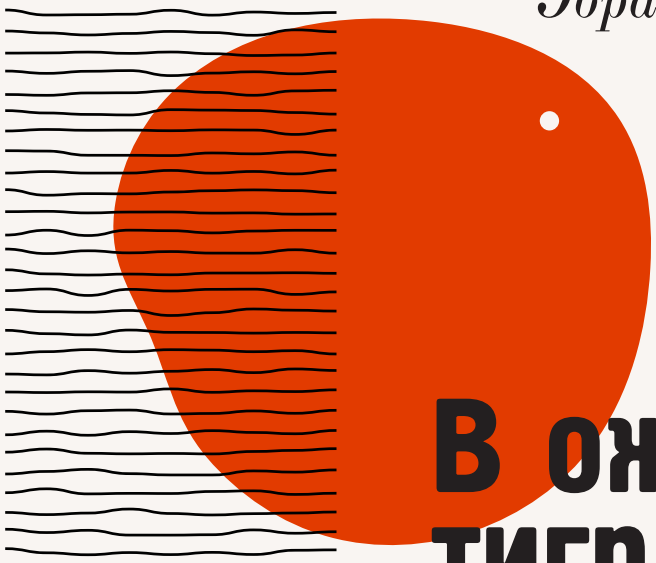
Гроза и буря стихла? Не поверю.

Я чую запах душного дождя

За дальней приоткрытой дверью,

В которой я сейчас умру, зайдя.

Эоранский художник



В ожидании тигра

Впервые в истории «Школы под микроскопом» — модернистская пьеса.

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА:

АЛЕКСАНДР
ЭСФАХИРИ
ЗЕБРА
КОТ
ТИГР

Действие Первое и Последнее (САД)

Александр. Подойди ко мне.
Эсфахири. Я к тебе не пойду.
Александр. Не иди.
Эсфахири. Что за шум?
Александр. Ветер, наверное.
Эсфахири. Нет, это не Ветер. Это что-то в тростнике.

(ОБА ЗАМЕРЛИ ПО КОЛЕНО В ТЕМНО-КРАСНОЙ ТРАВЕ).

Александр. Медленно иди ко мне. Только не оглядывайся.
Эсфахири. Я к тебе не пойду.
Александр. Хири, ар anuman laga cate han ki yah kaun ha I[1].

(РЁВ. Александр в страхе убегает, оставляя вещи и замершую в изумлении Хири).

Хири. Никогда не думала,что она может быть так близко.

Действие второе. Изначальное (Лес)

Кот. ЗЕБРА-А-А-А-А-А-А!!!
Зебра. Что?
Кот. Мой хвост...
Зебра. Прости, я не заметила. Ты маленький, вот я и не увидела.
Кот. Конечно, сразу надо оскорбить. Я не маленький.
Зебра. Не злись. Ты же знаешь, я не хотела.
Кот. Да, знаю.

(Слышен хруст листьев и веток).

Зебра. Koi a raha ha I kya ap sunte han? [2]
Кот. Нет.

(Крики птиц только что слетевших с деревьев. Зебра и Кот замечают их и в смятенье пытаются куда-то деться. Забыв про Зебру, Кот скрылся в камнях. Зебра осталась одна).

Действие третье. Тигр

Тигр. Я знаю, что вы здесь. Перед моим обличием бледнеет каждый, будто это зебра или мышь или еще какая-нибудь Небесная тварь. Даже сам человек столбенеет при одной, всего лишь одной мысли обо мне. Я еще не случился или я еще далеко, но страх... да, именно он завладевает каждым. Ужас не позволяет человеку сделать шаг, вздох. Можно только смотреть и видеть, чувствовать и слышать, как я приближаюсь и как невозможно от меня уйти.

[1] *Ты догадываешься, кто это (хинди).*

[2] *Кто-то идет. Ты слышишь? (хинди).*

В иных домах модернизм как будто еще не наступил, в иных — все еще длится.

Кристина Трифонова

Что-то тихо трещала пластинка
И кричали чайки в шатре
Я стояла и грела руки
Над конфоркой в ночной тишине

За окном плыли лениво
Как большие слоны облака
А в саду шелестела ива
И в окно глядела луна

Море билось с шумом об камни
В нём хвостами русалок – закат
Свежесваренный чёрный кофе
В небо пар – в стакане в руках

Слово каждое шкворчит, как будто
Кусок сыра на масле шипит,
От копчёной трубки мутно,
И тюрбан разноцветный кружит

Облака – подгорели лепёшки
Тонкой вязью звенит намаз,
Из морской пены – серёжки
В ставших ракушками ушах

У ограды висят гранаты
Всё – как будто – через стекло
Разноцветное в южном солнце
От которого – терпко-тепло

В плоском озере – небо и церкви
В облаках – колокольный звон
Золотистым сиянием вечным
В куполах растворился восход

Блики солнца дрожали на скинутом платье
Под стопами покалывал мягко песок
Трепетало на сером горячем камне
Теплотою фактур ракушки в висок

Белой пеной шипело синее море
Легкий свет перепутался с сканью теней
Набегало и жалось к рассыпчатым скалам
Ещё мягче, легче, теплей, и светлей

Как клочья ваты...
Как клочья пуха...
Ползут по небу...
Плывут по своду...
И я живу...
Они плывут...
И я умру...
Они плыть будут...
Как клочья ваты...
Как клочья пуха...

Хочется весны.
Люто, дико, почти безумно
В душе уже распустились цветы
Сирень, пионы, миндаль и груша
Легкие шире, воздуха больше
А ребра обвила гречиха, стала духами
Сирень Рахманинова и крики чаек
В голубом небе высоком, с облаками
Лебеди в озере с льдин осколками
Хочется весны, весны безумно хочется

Серо. Пусто. Гнетуще-душно.
Ощущение падающего потолка.
Сжаться в комок, выбежать подальше.
Очень страшно. Хочется закрыть глаза.

На стене пошарпанной
Вывеска светится
На задвижке тяжёлая дверь.
А в кулак сжатой, и в карман спрятанной,
Как подковка медная или камень с дырочкой
В руке маленькой, слово, «верь».

Там темно было
Там тихо и сыро
Было ртутно-текучими
Рос. Гос. СТРАХ.
Там темно было
Там сыро и тихо
Было
Рос.
Гос.
СТРАХ
.

Облака висят тревожно
Будто слезы матерей
И горят в свинцовом небе
Только крестики церквей

Тает снег в алее красной
Кто-то плачет в тишине
В тишине густой и страшной
Как на кладбище в земле

Я иду, глаза закрывши
Только образ у груди
Только верою и живши
Ждали с трепетом весны

Страшно

Надо сберечь как-то лицо

На каждом углу табличка «видеонаблюдение ведётся»
На камерах тысячи лиц ускоренно смазаны в толпы
Губами огромными на билбордах обещаниями картинка плюётся
Ничего, ничего, ничего, ничего своего, не остаётся

Что значит сберечь лицо?

Каждое слово, воспоминание, мысль – общее достояние
Тихим стуком об стену картонную Вознесенского восклицание
Нет, не осталось ничего, ничего, совсем ничего своего
Всё смывается разом безразличным мазком отражений в метро

И как это сделать?

Потеряли душу, потеряли лицо
Потеряли голову, небрежно свесили на плечо
В каждом углу – камера, в красном углу – тоже
Как тысячеликий бегом вагона в одно мешается-вмещается – печальными глазами Боже

Постараемся.
Сбережём.

На небе молочном расчертаны рельсы
По рельсам плывут облака,
Растерянные и свинцовые.
Звонят колокола.

А в небе вороны каркают,
И вязь колокольная в тучах
И, на меня тоскливо смотрят тёплые огни
А в них отражается, серое небо

Вдыхаю глубже.
Облака больше.
Цвета ярче.
Звуки громче.

В душе тихо.
Только пасхальный колокол мерно звонит.
В сердце цветет гречиха.
Только смеяться.
Только любить.

В черной сырой земле.
Тают белые пятна холодных, забытых снегов.
Облака в миндале.
Над журчащим паводком лепестков.

Звон крашенных яиц.
Слизывать глазурь с куличей.
Шелест теплых страниц.
Болтать ногами, свесив их с теплых камней.

На ночь вешать творог для пасхи.
Слушать треск французской пластинки.
Громче кричат чайки.
Радостней мычат гудки трамваев.

В рыхлую землю сажать луковицы тюльпанов.
Под дробь барабанов едут танки.
Огромный поток людей и транспарантов.
В красной гвоздике протяжно плачут чайки.

Дышать легче.
Скрипят спицы велосипедов.
И жить легче.
В небе огромном распускаются семена облаков

Хорошо ли, когда все равны?

Очевиден ли вам ответ на этот вопрос? Прежде чем высказать своё мнение, поразмышляйте над предложенными ситуациями. Возможно, после этого вы поменяете свою точку зрения.

Ситуация 1.
Игра в одни ворота

В школьном дворе собираются установить новую спортивную площадку. Необходимо определиться, как именно она будет обустроена. Для того, чтобы выбрать тренажеры и турники, а также решить, какое сделать поле – для футбола или волейбола, было решено провести голосование.

Поскольку площадка спортивная, то голос ученика, у которого по физкультуре за четверть пятёрка, стоит 10 баллов. Голос ученика, у которого по физкультуре четвёрка, весит 5 баллов. Голоса остальных учеников (у которых по физкультуре тройка, либо же они освобождены от занятий), учитываться не будут.

Считаете ли вы такое голосование справедливым и почему?

Ситуация №2
Баловни судьбы

Сегодня на полдник дают хачапури. Свежие, пышные, сочные, самые вкусные на свете! Каждому классу положили по 20 кусочков.
В 4-ом классе к 15.50 осталось всего 4 человека! Получается, что каждый сможет наесться до отвала!

В то же время 5-ом классе сегодня восемь уроков, поэтому на полдник пришли все 16 человек. Пятиклассники обращаются с просьбой к четвероклассникам и просят поделились своими хачапури.

Что вы думаете? Как надо поступить?

Ситуация 3.
Дарёному коню в зубы не смотрят

Эльвира Павловна выиграла в лотерее 15 детских путёвок. Повезло, ведь в классе как раз 15 детей, можно каждого отправить отдохнуть! Загвоздка в том, что путёвки предполагают разный уровень отдыха.
10 путёвок – это поездка в крутой лагерь на берегу моря. Там каждый день купаются, загорают и ездят на интересные экскурсии, на завтрак подают горячий шоколад и гору конфет. Оставшиеся 5 путёвок – это отдых в обычном лагере на берегу небольшой речки. Там нет особых развлечений, ранние подъёмы, зарядка, на завтрак каша, потом кружки рукоделия. Есть возможность поиграть с ребятами в мяч и раз в неделю искупаться в реке.

Как поступить с путевками Эльвире Павловне, если она любит всех детей одинаково?

Варианты развития событий:

-кого куда отправить поможет решить жребий

-отправить отличников и хорошистов в крутой лагерь, а двоечников в лагерь похуже

-пусть те, кто не любит физкультуру, едут в обычный лагерь, хоть подкачаются

-вообще никого никуда не отправлять

- отправить разгильдяев в скучный лагерь, а послушных детей в крутой

-отдать билеты незнакомым детям, чтобы не пришлось мучиться и выбирать

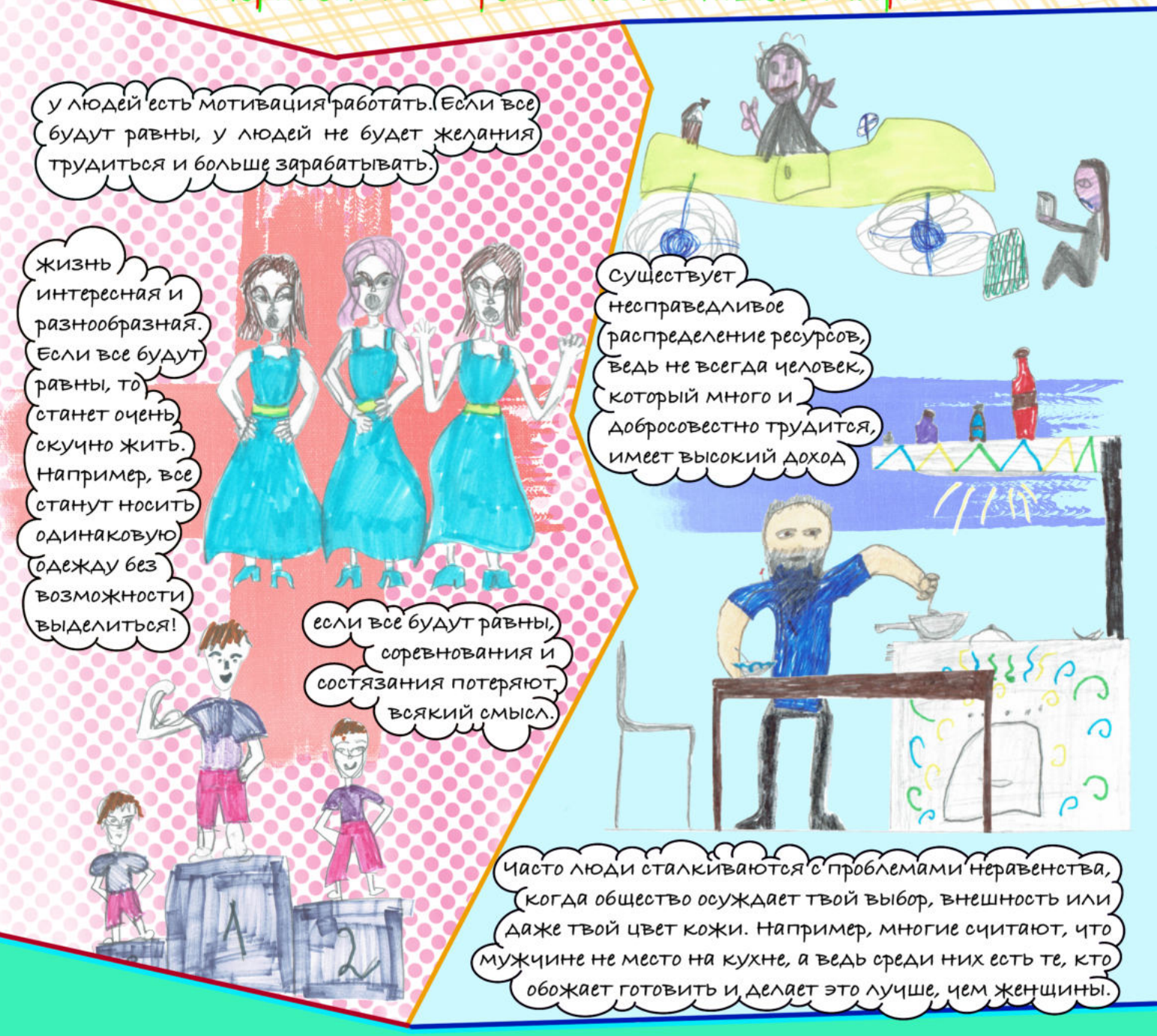
-надо продать путёвки, а деньги потратить на всех детей поровну

Ситуация 4.
Мечтать не вредно

Один человек загадал на день рождения желание, чтобы все были равны. На следующее утро он просыпается и понимает, что его желание исполнилось!

Как думаешь, с какими трудностями он может столкнуться в новом мире всеобщего равенства?

«Неравенство – реальность нашего мира».



Выводы 4-го класса:

Существующее неравенство даёт нам мотивацию становиться лучше самим, но все мы равны в том, что каждый может сделать наш мир лучше. А как думаете вы?